

*Багманова Альбина Линаровна,
3 курс, Институт правоохранительной деятельности
Саратовская государственная юридическая академия*

г. Саратов, Россия

*Столярова Валерия Вадимовна,
3 курс, Институт правоохранительной деятельности
Саратовская государственная юридическая академия*

г. Саратов, Россия

*Научный руководитель: Шубный В.С.
преподаватель кафедры гражданского права*

ДОГОВОРЫ В УСЛОВИЯХ ФОРС-МАЖОРА И ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ (ПАНДЕМИИ, САНКЦИИ): ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ, ДОКАЗЫВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исполнения договорных обязательств в условиях двух масштабных кризисов последних лет – пандемии коронавируса (COVID-19) и беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию. Анализируются критерии отнесения указанных обстоятельств к непреодолимой силе (форс-мажору) согласно пункту 3 статьи 401 Гражданского кодекса РФ, а также правовые позиции Верховного Суда РФ и Торгово-промышленной палаты. Исследуется судебная практика, сложившаяся в 2020-2025 годах, в части доказывания причинно-следственной связи между кризисными явлениями и невозможностью исполнения обязательств. Отдельное внимание уделяется альтернативным механизмам – изменению и расторжению договора в связи с существенным изменением обстоятельств (статья 451 ГК РФ) и прекращению

обязательства невозможностью исполнения (статья 416 ГК РФ). Делается вывод о том, что пандемия может признаваться форс-мажором лишь при наличии прямой связи с конкретными ограничительными мерами, тогда как санкции в подавляющем большинстве случаев расцениваются судами как предпринимательский риск, не освобождающий от ответственности.

***Ключевые слова:** форс-мажор, непреодолимая сила, пандемия, санкции, договорные обязательства, изменение договора, расторжение договора, предпринимательский риск, доказывание, Гражданский кодекс РФ.*

CONTRACTS UNDER FORCE MAJEURE AND GLOBAL CRISES (PANDEMICS, SANCTIONS): MODIFICATION AND TERMINATION, PROVING FORCE MAJEURE CIRCUMSTANCES

***Annotation.** The article examines the problems of fulfilling contractual obligations in the context of two large-scale crises of recent years – the coronavirus pandemic (COVID-19) and unprecedented sanctions pressure on the Russian Federation. The criteria for classifying these circumstances as force majeure under paragraph 3 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Chamber of Commerce and Industry, are analyzed. Judicial practice developed in 2020-2025 regarding proving the causal link between crisis phenomena and the impossibility of fulfilling obligations is studied. Special attention is paid to alternative mechanisms – modification and termination of the contract due to a material change of circumstances (Article 451 of the Civil Code) and termination of an obligation due to impossibility of performance (Article 416 of the Civil Code). It is concluded that a pandemic can be recognized as force majeure only if there is a direct link with specific restrictive measures, while sanctions in the vast majority of cases are regarded by courts as an entrepreneurial risk that does not relieve liability.*

Key words: force majeure, pandemic, sanctions, contractual obligations, contract modification, contract termination, entrepreneurial risk, proving, Civil Code of the Russian Federation.

В последние несколько лет российская экономика и правовая система столкнулись с вызовами, которые раньше казались исключительно теоретическими конструкциями из учебников по гражданскому праву. Пандемия коронавируса, а затем беспрецедентное санкционное давление со стороны недружественных государств заставили участников гражданского оборота по-новому взглянуть на институт непреодолимой силы. Стороны договоров массово начали ссылаться на форс-мажор, пытаясь освободиться от ответственности за неисполнение обязательств или добиться изменения условий соглашений. Однако практика показала, что признание того или иного обстоятельства непреодолимой силой – вопрос далеко не очевидный. Особую актуальность эта проблематика приобретает в условиях перманентного кризиса, когда суды вынуждены каждый раз заново оценивать чрезвычайность обстоятельств, а бизнесу необходимы четкие ориентиры для защиты своих интересов. В связи с этим анализ судебных подходов к форс-мажору становится не просто теоретическим, а жизненно необходимым инструментом правовой безопасности.

Основная норма, регулирующая ответственность за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности, содержится в пункте 3 статьи 401 Гражданского кодекса РФ¹. Закон устанавливает, что предприниматель несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы – то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. При этом законодатель прямо указывает, что к таким

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельствам не относятся нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, а также отсутствие у должника необходимых денежных средств. Эти три исключения представляют собой наиболее типичные предпринимательские риски, которые несет на себе лицо, профессионально занимающееся извлечением прибыли.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 7 от 24 марта 2016 года разъяснил, что чрезвычайность предполагает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях². Непредотвратимость означает, что любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. Оба признака должны присутствовать одновременно; если отсутствует хотя бы один из них, квалификация обстоятельства как непреодолимой силы исключается. Торгово-промышленная палата РФ в своем Положении о порядке свидетельствования обстоятельств непреодолимой силы к форс-мажору относит стихийные бедствия, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, военные действия, террористические акты, ограничения перевозок, запретительные меры государств, а также запрет торговых операций вследствие принятия международных санкций³.

Когда весной 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавируса, перед юридическим сообществом встал вопрос: можно ли считать это обстоятельством непреодолимой силы? Верховный Суд РФ в Обзоре от 21 апреля 2020 года дал важное разъяснение: признание распространения новой коронавирусной инфекции

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

³ Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14, ред. от 30.03.2023).

обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников⁴. По утверждению суда, фактическое наличие таких обстоятельств должно усиливаться, принимая во внимание обстоятельства в конкретном деле, а именно: сроки исполнения, характер уклонения от исполнения обязательств, регион работы предприятия, добросовестность должника. То есть, в сложившейся ситуации пандемия сама по себе не есть автоматическим основанием, с учетом которого можно назначить освобождение от ответственности. Должнику еще предстоит доказать казуальную связь между определенными мерами ограничения и невозможностью исполнения обязательства по существу.

В это время судебная практика характеризуется гибкостью. Очень часто арбитражные суды отказывают в квалификации пандемии, как форс-мажорной ситуации, однако в то же время дают отсрочку на исполнение обязательств, принимают во внимание сложное положение лица. Как пример – дело, которое рассматривается в Арбитражном суде Иркутской области. По нему общество, в котором 80% клиентов – это предприятия с Китая, сталкивается с приостановкой расчетов по причине пандемии. В такой ситуации суд не удовлетворяет требование о продлении периода выплат, впрочем, рассмотрение дела было отложено на 30 дней. По факту, должник получил нужный временной промежуток для действий.

Если в случае с пандемией суды демонстрировали относительную гибкость, то в отношении санкционных ограничений практика сложилась куда более жесткая. Ключевая позиция, многократно подтвержденная судебными актами, сводится к следующему: санкции не признаются обстоятельством непреодолимой силы и относятся к предпринимательским рискам. Показательным является дело ООО «ТВС Активмед» (Определение

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС25-4844⁵). Компания не смогла исполнить госконтракт на поставку медицинского оборудования стоимостью более 90 млн рублей, ссылаясь на международные санкции, из-за которых контрагент-дистрибьютор не поставил товар. Арбитражные суды трех инстанций, а затем и Верховный Суд отказали в признании санкций форс-мажором. Обоснование: санкции действовали задолго до подписания контракта, истец, как профессиональный участник рынка, должен был осознавать риск неблагоприятных последствий.

В таблице 1 приведены основные различия в подходе судов к пандемии и санкциям как потенциальным обстоятельствам непреодолимой силы на основе анализа дел за 2020-2025 годы (составлено автором самостоятельно на основании указанных в таблице документов).

Таблица 1.

Сравнительный анализ судебной практики по признанию пандемии и санкций форс-мажором

Критерий	Пандемия COVID-19	Санкционные ограничения (2022-2025)
Признается ли форс-мажором автоматически	Нет, требуется доказывание связи с конкретными ограничительными мерами	Нет, расценивается как предпринимательский риск
Основной правовой акт с разъяснениями	Обзор ВС РФ от 21.04.2020	Письмо ТПП РФ от 22.03.2022, позиция ВС РФ
Роль заключения ТПП	Важное доказательство, но не обязательное	Рекомендовано, но суды часто его игнорируют

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС25-4844 по делу № А40-175912/2024.

Возможность применения ст. 451 ГК РФ	Да, особенно в арендных туристических договорах	Да, но при условии непредсказуемости санкций
Примеры удовлетворенных требований	Снижение арендной платы при запрете деятельности	Крайне редко, в основном при форс-мажорной оговорке в договоре

Бремя доказывания наличия обстоятельств непреодолимой силы лежит на должнике – это прямо вытекает из пункта 3 статьи 401 ГК РФ и многократно подтверждено судебной практикой. Должник должен доказать не только сам факт наступления чрезвычайных обстоятельств, но и наличие прямой причинно-следственной связи между этими обстоятельствами и невозможностью исполнить обязательство. Наиболее авторитетным документом считается сертификат (для внешнеторговых сделок) или заключение (для внутрироссийских договоров) Торгово-промышленной палаты. С 1 января 2024 года тариф за рассмотрение такого заявления составляет 17 700 рублей. Однако заключение ТПП не носит обязательного характера для суда – оно рассматривается как одно из доказательств наряду с другими.

Когда ссылка на форс-мажор невозможна или сомнительна, у стороны договора остается другой инструмент – статья 451 ГК РФ, регулирующая изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Существенным признается изменение обстоятельств, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях. Для удовлетворения требований необходимо доказать совокупность четырех условий: в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения не произойдет; изменение

вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть; исполнение договора без изменения условий нарушило бы баланс интересов; из существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Пандемия стала катализатором применения статьи 451. Суды стали чаще удовлетворять требования арендаторов о снижении арендной платы в период принудительного закрытия предприятий общественного питания и розничной торговли. Применительно к санкциям статья 451 также нашла применение – например, когда стороны договаривались о переносе исполнения обязательства или изменении цены контракта в связи с удорожанием импортных комплектующих. Однако и здесь суды проявляют осторожность: если изменение обстоятельств было предсказуемо на момент заключения договора, ссылка на статью 451 не принимается. Пункт 4 статьи 451 ГК РФ закрепляет преимущество расторжения договора перед его изменением в случае существенного изменения обстоятельств.

От форс-мажора и существенного изменения обстоятельств следует отличать прекращение обязательства невозможностью исполнения на основании статьи 416 ГК РФ. Согласно пункту 1 этой статьи, обязательство прекращается, если невозможность исполнения вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. Статья 416 применяется более широко и не ограничена сферой предпринимательской деятельности. Для ее применения достаточно, чтобы невозможность исполнения была объективной и неустранимой (постоянный характер), тогда как форс-мажорное обстоятельство может носить временный характер. Применительно к кризисным явлениям статья 416 может использоваться, когда исполнение стало объективно невозможным, например, в результате запретительных мер государственного органа, сделавших выполнение контракта противоправным.

События последних лет наглядно продемонстрировали, что институт непреодолимой силы нуждается в серьезном переосмыслении. Законодательная конструкция, заложенная в пункте 3 статьи 401 ГК РФ, исходит из презумпции, что предприниматель должен предвидеть и нести риски, связанные с его деятельностью. Однако пандемия и санкции показали, что существуют обстоятельства, которые невозможно предвидеть даже при самой высокой степени разумности и осмотрительности. Таким образом, для минимизации рисков сторонам договора необходимо прямо указывать в соглашениях, что пандемии, санкционные ограничения и запретительные меры государств признаются форс-мажором, а также закреплять конкретный алгоритм пересмотра условий (продление сроков, соразмерное уменьшение цены или расторжение) при существенном изменении обстоятельств в соответствии со статьей 451 ГК РФ.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств

непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14, ред. от 30.03.2023).

5. Определение Верховного Суда РФ от 02.06.2025 № 305-ЭС25-4844 по делу № А40-175912/2024.

6. Письмо Торгово-промышленной палаты РФ от 22.03.2022 № ПР/0181 «О приостановлении рассмотрения заявлений о выдаче заключений об обстоятельствах непреодолимой силы».

7. Архипов Д.А. Модификация обязательств при наступлении форс-мажора: теория и практика // Судья. 2020. № 7. С. 10–15.

8. Попов Д.А. Форсаж (о форс-мажоре и новой реальности) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 4. С. 12–18.